него нам необходимо как можно скорее получить решение Политбюро по курдскому вопросу. Вместе со мной и Маньчхой Игнатьев побывал у Молотова и Вышинского, чтобы получить их визы на проект решения. Кстати, тогда впервые Молотов и Вышинский казались мне постаревшими, больными и крайне усталыми. Однако у них хватило настойчивости вычеркивать из проекта документа один и тот же пункт, в котором содержалось поручение Министерству иностранных дел провести переговоры и консультации по курдской проблеме. Они также настаивали на том, что этот вопрос должен быть рассмотрен в Политбюро по представлению Министерства госбезопасности, а не как совместное предложение Министерства иностранных дел и нашего. Когда мы вышли в сопровождении офицера охраны, в портфеле которого был проект документа, я предложил Маньчхе поехать ко мне на Лубянку и там напечатать окончательный текст документа, приняв во внимание комментарии Молотова и Вышинского. Игнатьев согласился.

И тут началось совсем непонятное для меня. Мы представили окончательный текст решения Игнатьеву, и он одобрил его. Но для министра было не менее важным сопроводительное письмо – пояснительная записка к тексту решения, рассылаемому членам Политбюро. Игнатьев трижды заставлял менять порядок в списке членов Политбюро, которым должен был поступить наш документ. Он даже спросил Маньчху, должна ли рассылка соответствовать алфавитному порядку или сначала перечислить членов комиссии Политбюро по внешней политике. В этом случае Хрущев должен был идти в списке перед Булганиным. А как быть с Берией? Должен ли он быть впереди Маленкова? Эти нюансы, о которых я не имел ни малейшего понятия, просто ошарашили меня. Зато Маньчха оказался настоящим экспертом по части составления сопроводительных писем и давал соответствующие советы Игнатьеву. Машинистки недоумевали, зачем перепечатывать документ, в котором все оставалось прежним, кроме порядка перечисления членов ЦК и правительства.

Весной 1953 года со мной произошел курьезный случай, нарушивший привычную концентрацию. Берия вел[нрзб] акции в Восточной Германии, в которых занимался и я. Однажды он пригласил меня к себе в кабинет. Генерал-лейтенант Хитро подмигнул мне, он через своего переводчика, молодого лейтенанта, сказал:

продуктами всей англо-американской военной группировки на Ближнем Востоке и в Средиземноморье.

После переговоров с Барзани я вылетел в Ташкент и проинформировал узбекское руководство о его предстоящем приезде. Затем возвратился в Москву.

Барзани вместе со своими вооруженными отрядами и членами их семей был отправлен в Узбекистан. Через пять лет, в марте 1952 года, меня послали в Узбекистан для встречи с Барзани под Ташкентом, чтобы разрешить возникшие проблемы. Барзани не устраивало положение пассивного ожидания и отношение местных властей. Он обратился к Сталину за помощью и потребовал выполнения данных ему обещаний. Он настаивал на формировании курдских боевых частей. Барзани хотел также сохранить свое влияние на соплеменников, расселенных по колхозам вокруг Ташкента, и контроль над ними.

Встреча с Барзани состоялась на правительственной даче. Моим переводчиком был майор Земсков, он так же, как и Барзани, бегло говорил по-английски. Барзани рассказал мне, как американцы и англичане хотели подкупить его для проведения акции давления на иракское, иранское и турецкое правительства.

Разработанный мною по поручению нового министра госбезопасности Игнатьева план заключался в том, чтобы сформировать из курдов специальную бригаду — полторы тысячи человек — для диверсионных операций на Ближнем Востоке. Ее можно было использовать и для намечавшегося свержения правительства Нури Саида в Багдаде, что серьезно подорвало бы влияние англичан во всем ближневосточном регионе. (При помощи курдов это удалось осуществить в 1958 году, когда я уже сидел в тюрьме.) Курды также должны были играть определенную роль в наших планах, связанных с выведением из строя нефтепроводов на территории Ирака, Ирана и Сирии в случае начала военных действий или прямой угрозы ядерного нападения на СССР.

Барзани выразил согласие подписать соглашение о сотрудничестве с советским правительством в обмен на наши гарантии содействия в создании Курдской республики, которую Барзани видел прежде всего в районе компактного проживания курдов на стыке границ Северного Ирака, Ирана и Турции.

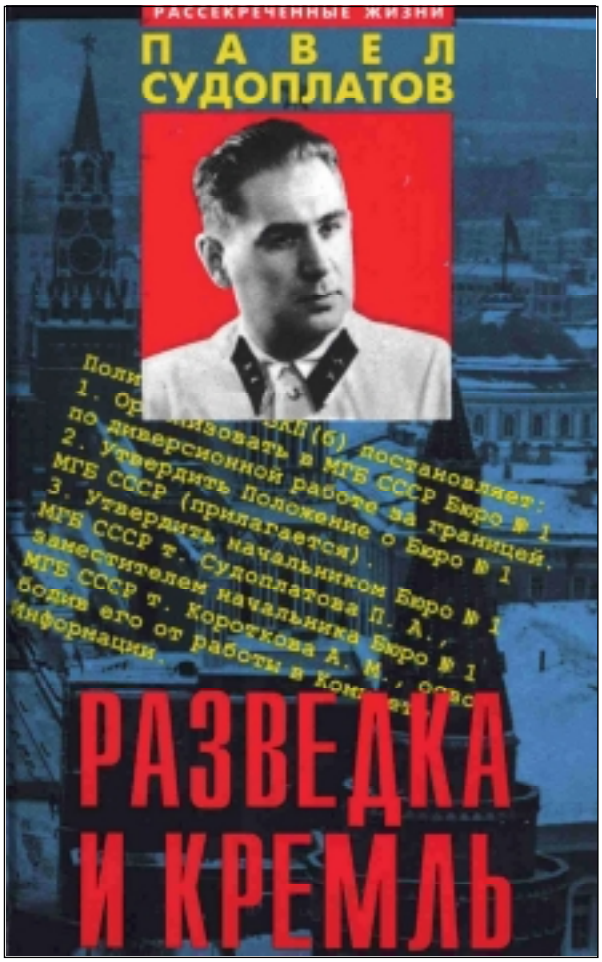
Выслушав Барзани, я ответил, что не имею полномочий обсуждать соглашение такого рода. Однако мог возразить против создания курдского [illegible]

изгнании. Сопровождавший меня ответственный сотрудник Международного отдела ЦК партии Маньчха, участвовавший в переговорах, предложил создать демократическую партию Курдистана во главе с Баркани. По замыслу Маньчхи, партия должна была координировать деятельность представителей правительства Баркани во всех районах проживания курдского населения. Штаб-квартира партии могла бы, по его словам, разместиться в правлении колхоза, находившегося километрах в пятнадцати от Ташкента.

Я не вмешивался в этот разговор, но слушал внимательно. Когда беседа закончилась, Баркани пригласил меня на встречу с офицерами своего штаба. При нашем появлении человек тридцать, находившихся в комнате, вытянулись по стойке "смирно". Затем как по команде все они упали на колени и поползли к Баркани, моля позволить им поцеловать край его одежды и сапоги. Естественно, что все иллюзии насчет демократического Курдистана, которые я до тех пор мог питать, тотчас испарились. Мне стало совершенно ясно, что это еще одна идеологическая инициатива, возникшая в недрах ЦК на Старой площади.

В апреле 1952 года Баркани, окруженный членами своей семьи и соплеменниками, обосновался в большом колхозе под Ташкентом. В Москве было решено, что курдам предоставят статус автономного района. Министерству госбезопасности предписывалось организовать для курдов военное обучение и оказывать содействие в установлении связей с зарубежными соотечественниками. Наши попытки внедрить в окружение Баркани своих людей и завербовать кого-либо из курдов были успешно блокированы их службой безопасности. Правда, Земскову, имевшему немалый опыт общения с курдами, удалось завербовать одного младшего офицера, учившегося в нашей военной академии, но после возвращения в Ташкент он вскоре бесследно исчез. Отыскать его мы так и не смогли и пришли к выводу, что его ликвидировали по приказу Баркани.

Благодаря курдскому вопросу я впервые познакомился с бюрократическими порядками в подготовке документов для Политбюро. Игнатьев приказал мне оставаться в кабинете Маньчхи, пока будет согласован документ с нашими предложениями по курдской проблеме. Игнатьев всегда был неизменно вежлив и корректен, но когда я сказал, что у меня в московской гостинице назначена встреча с Баркани, он резко отчитал меня за непонимание политической важности вопроса и приказал мне отменить встречу, прежде



وێنەی بەرگی کتێبەکە بەروسی

ËuÐ Ë«ËŴð